

А. А. Иванов

Случайный дипломат: Альфред Уилл Клифот и российская революция 1917 г.

Становление советско-американских отношений с приходом к власти в России большевиков проходило со значительными трудностями, поскольку появление социалистического государства в качестве субъекта международных отношений с трудом укладывалось в стратегические планы лидеров «великих держав» начала XX в. Радикальная позиция нового российского правительства по целому ряду вопросов политического и экономического характера, зафиксированная серией декретов 1917–1918 гг., усложняла достижение компромисса. Серьезными препятствиями к официальному международному признанию Совета Народных Комиссаров являлся не только насильственный характер завоевания большевиками государственной власти в России, но и заключение ими сепаратного Брестского мира, аннулирование внешних долговых обязательств, а также национализация промышленных предприятий и банков, частично или полностью принадлежавших зарубежным предпринимателям. При этом для иностранных элит неясны были ни перспективы сохранения большевистского режима, ни границы возможной корректировки программы правящей партии, ни договороспособность ее руководства. Все это накладывало отпечаток на специфику положения РСФСР, придавая дискретный вид взаимодействию Советской республики с заграничными партнерами.

В этой обстановке «русский вопрос» неожиданно стал одним из центральных при определении контуров нового послевоенного устройства мира. Как следствие, главы государств Антанты нуждались как в надежных каналах связи с чле-

нами СНК и ВЦИК, так и в источниках достоверной информации о состоянии российской экономики, боеспособности вооруженных сил, планах правительства и военного командования и т. д. С этой целью администрации Соединенных Штатов, не имевшей в России достаточно разветвленной агентурной сети, регулярно приходилось обращаться к неофициальным источникам информации. Например, после возвращения в США в апреле 1918 г. журналиста Дж. Рида привезенный им из Петрограда архив советских газет, печатных прокламаций и текстов декретов был изъят и детально изучался чиновниками различных департаментов на протяжении нескольких месяцев. В таких условиях ключевым институтом было призвано стать посольство, от деятельности которого зависела не только глубина понимания в Вашингтоне положения дел в РСФСР, оценка потенциала кооперации или необходимости конфронтации с большевиками, но также скорость и эффективность реагирования на многочисленные советские новации и инициативы во внутренней и внешней политике.

Между тем посол Д. Р. Френсис, которому в 1917 г. исполнилось 67 лет, несмотря на большой стаж дипломатической службы, по признанию ряда его коллег, подчиненных и даже вышестоящего руководства, совершенно не подходил для активной работы в условиях революционной нестабильности¹. В этом ему препятствовали как проблемы со здоровьем, физическое и умственное переутомление, так и отсутствие знакомства с марксистским дискурсом, что являлось важным условием достижения взаимопонимания с членами Совнаркома. Проблемой была и кадровая ограниченность американского представительства — хотя в его штате числились около 50 сотрудников, значительная их часть являлись техническими работниками, не имевшими необходимого образования и опыта для выполнения политических задач. Д. Р. Френсис в телеграммах в Вашингтон неоднократно обращался с просьбами о направлении в его распоряжение компетентных специалистов, однако на тот момент административные органы США не располагали необходимым количеством экспертов по России.

Стоит учитывать, что курсы по русскому языку и культуре начали внедряться в программы учебных заведений Соединенных Штатов лишь в конце XIX в., и к началу российского революционного кризиса только три американских университета выпускали бакалавров такого профиля. Как следствие, сотрудники для посольства в Петрограде нередко подбирались бессистемно — клерки отдела кадров Госдепартамента просто время от времени посещали различные структурные подразделения ведомства в поисках желающих занять вакантные места в России². В результате на службу в посольство в 1917–1918 гг. попадали самые разные личности, порой весьма неординарные. Так среди подчиненных Д. Р. Френсиса оказался Э. Л. Пакер, занимавший до этого должность делопроизводителя в Бюро по делам островов (Филиппин, Пуэрто-Рико, Кубы). Помимо него сотрудником посольства стал потомственный фотограф польско-греческого происхождения М. П. Дуткевич, до этого прославившийся экспедициями по Африке, в которых сделал немало ценных для этнографии снимков³. Однако

одной из наиболее интересных фигур стал американский гражданин немецкого происхождения А. У. Клифот, чей карьерный путь в дипломатической службе был тесно связан с противостоянием США и РСФСР/СССР.

А. У. Клифот родился 10 октября 1889 г. в городе Мейвилл штата Висконсин и в 1913 г. успешно окончил Висконсинский университет в Мэдисоне со степенью бакалавра искусств. Среди его преподавателей политэкономии были такие фигуры, как Р. Т. Эли и Дж. Р. Коммонс, а в рамках курсов по социологии он знакомился с теоретическими основами социализма и анархизма. В дальнейшем он переехал в Чикаго, где вступил в пацифистскую организацию «Американское общество мира» и в качестве секретаря местного филиала курировал агитационную работу среди прихожан городских церквей. На данной должности А. У. Клифот приобрел опыт взаимодействия с различными общественными движениями и характеризовался в прессе как «молодой человек большой энергии и энтузиазма»⁴, а знакомые отмечали его готовность «выполнять даже незначительные поручения»⁵. Своей работой он привлек внимание и стал доверенным лицом известного проповедника и политического активиста Дж. Л. Джонса, состоял в переписке с канцлером Стэнфордского университета Д. С. Джорданом и философом-благотворительницей Дж. Аддамс.

Важный этап биографии А. У. Клифота был связан с началом мировой войны в Европе, которая не только внесла элементы раскола в американское общество, но также ознаменовала собой очередной кризис пацифистской идеологии. С одной стороны, безрезультатными оказались все попытки предотвратить эскалацию вооруженного конфликта политико-юридическими мерами — даже Гаагские конвенции, на которые возлагались большие надежды в данном отношении, оказались неэффективным инструментом ограничения взаимного насилия. С другой стороны, в Соединенных Штатах вопрос об отношении к войне приобрел не только политический или экономический, но и этносоциальный характер ввиду наличия многочисленной и влиятельной немецкой диаспоры. Несмотря на то что государство поначалу заняло нейтральную позицию в конфликте, в отдельных штатах с 1915 г. шло формирование неправительственных союзов военно-патриотической направленности, проводивших агитационные кампании за вступление в войну на стороне Антанты. В свою очередь американцы немецкого происхождения стали подвергаться стигматизации — их обвиняли в шпионаже, подготовке диверсионных актов, организации заговоров и ведении антивоенной пропаганды⁶.

А. У. Клифот не сразу смог сформулировать свое отношение к этим процессам. Так, в конце 1914 г. он поддержал призыв священника из Мичигана П. Э. Дитца к местным католикам доказать, что «они являются германо-американцами, а не американскими немцами»⁷, т. е. исходить в своих действиях и заявлениях из интересов США, а не Германии. Однако уже в октябре 1915 г. в статье, посвященной собранию в Чикаго участников одного из вышеуказанных союзов — Лиги национальной безопасности, А. У. Клифот иначе описал

свою позицию. Выслушав нескольких спикеров, среди которых были бывший военный министр Дж. М. Дикинсон и президент Чикагского университета Г. П. Дзадсон, он назвал их аргументы в пользу вступления в конфликт для защиты американских экономических интересов и усиления международного влияния «племенным патриотизмом». В статье он порицал распространение «международной подозрительности» и апелляцию политиков к «инстинкту борьбы» для формирования образа врага⁸.

В свете этих обстоятельств сложно утверждать, что А. У. Клифот планировал связывать свою карьеру с государственной гражданской или военной службой — этот шаг для него скорее носил вынужденный характер. Дело в том, что в конце 1915 г. он, присоединившись к знаменитой миротворческой миссии, организованной Г. Фордом, отправился в Швецию на борту корабля «Оскар II» в числе группы общественных активистов, писателей и миссионеров для организации открытой дискуссии по поиску оптимального сценария урегулирования конфликта. Несмотря на возникший в прессе ажиотаж на этой почве, в процессе реализации данной инициативы обнаружились не только серьезные противоречия во взглядах между делегатами, но и нежелание правительств противоборствующих сторон принимать участие в работе Стокгольмской конференции, а также отсутствие стабильного финансирования проекта.

В феврале 1916 г. А. У. Клифот предпринял краткосрочную поездку в Детройт для личной консультации с Г. Фордом, однако после его возвращения в шведскую столицу морское сообщение с США стало крайне затруднено, так как на Балтике в начале марта активизировались минная война. В переписке с австрийским художником А. фон Шрёттером он упоминал, что летом планировал присоединиться к работе благотворительного Фонда Дж. Рокфеллера в Польше, но не смог получить соответствующее разрешение от немецкой военной администрации. Оказавшись в столь непрестом положении, А. У. Клифот принял решение поступить на службу в американское представительство в Швеции, и по решению посла И. Р. Морриса был направлен в приграничный город Хапаранда в качестве вице-консула. Интересно, что одновременно с этим назначением он был принят и в состав Военной миссии США при посольстве в России, испытывавшем дефицит сотрудников с высшим образованием, получил звание лейтенанта и должность офицера паспортного контроля в Торнио⁹. Дальнейшие события, связанные с российской революцией, вероятно, стали определяющими в его последующей карьере.

Хотя обстановка на северных окраинах России на начальном этапе мировой войны не вызывала большого интереса у американских дипломатов, активизация национальных движений и рост социально-политической напряженности в регионе несли в себе потенциальную угрозу эскалации военно-политических столкновений. Рост сепаратистских настроений в Финляндии после падения самодержавия грозил не только началом гражданской войны, но и втягиванием в конфликт нейтральных Швеции и Норвегии. Ситуация усугубилась

с приходом к власти большевиков, поддерживавших идею национального самоопределения западных регионов бывшей Российской империи. Как следствие, на протяжении 1917 г. лейтенант А. У. Клифот был вынужден неоднократно посещать и Петроград, и Стокгольм для консультаций с руководством.

Поскольку открытая стадия вооруженной борьбы между консолидированными социалистическими и националистическими группами в Финляндии началась несколько раньше, чем в России, данный прецедент привлек внимание представителей США как минимум в контексте определения перспектив победы большевизма и его распространения в Европе. В частности, И. Р. Моррис в декабре 1917 г. пригласил А. У. Клифота в Стокгольм для личной встречи, по результатам которой направил отчет лейтенанта о положении дел на границе госсекретарю Р. Лансингу. Так, вице-консул обращал внимание на усиление немецкого влияния в регионе — по его данным, пленные офицеры австрийской и германской армий намеренно не покидали страну, даже имея такую возможность, для того чтобы способствовать дальнейшей дезорганизации. Более того, распространявшиеся в Финляндии большевистские агитационные листовки имели немецкое происхождение, и германские агенты беспрепятственно пересекали границу, пользуясь советскими документами¹⁰.

Вскоре после возвращения из Стокгольма в Торнио А. У. Клифот получил указание от Д. Р. Френсиса прибыть в Петроград, однако выполнить его оказалось непросто, поскольку из-за начавшейся Гражданской войны между красными и белыми финнами транспортное сообщение с Россией было прервано. В итоге в феврале 1918 г. лейтенант был вынужден в течение восьми дней добираться до российской столицы, причем трое суток у него занял путь до Мурманской железной дороги по пересеченной местности на собачьих упряжках. Интересно, что дипломат стремился вернуться в столицу не столько для передачи руководству актуальных сведений военно-политического характера, сколько по личным мотивам, так как в городе его ждала невеста — российская дворянка В. А. Лесли. Они обвенчались 20 февраля 1918 г., т. е. на следующий день после приезда лейтенанта в Петроград. Этот приключенческий сюжет даже попал в официальную сводку агентства «Ассошиэйтед пресс» и был размещен в нескольких американских газетах¹¹.

Между тем полученная Д. Р. Френсисом информация оказалась весьма ценной — А. У. Клифот сообщил о планах белофиннов, рассчитывавших на немецкую военную поддержку, отторгнуть часть Карелии¹². В это же время совместное наступление немецких и австро-венгерских войск на Восточном фронте в рамках операции «Фаустшлаг» создавало угрозу захвата Петрограда. Социально-экономическая ситуация в революционной России также усугублялась — в столице постепенно начинался массовый голод. В связи с тем, что А. У. Клифот, вероятно, не планировал продолжать службу в посольстве, он попытался вместе с женой покинуть страну через Владивостокский порт с группой американских граждан. Впоследствии он утверждал, что уехал из Петрограда

по приказу Д. Р. Френсиса, однако никаких подтверждений этому нет. Напротив, на одной из станций Транссибирской магистрали лейтенант получил телеграмму о его назначении ассистентом военного атташе и приказом присоединиться к Военной миссии США, направлявшейся в Вологду. Возможно, разрешение покинуть российскую столицу было получено им не от Д. Р. Френсиса, а от главы Военной миссии при посольстве генерала У. В. Джадсона, который скептически оценивал перспективы работы в России и даже предлагал Военной коллегии в начале 1918 г. перенаправить подчиненных ему офицеров в американские резидентуры в Швеции, Норвегии и Дании¹³.

Тем не менее в этот период в администрации Соединенных Штатов активно обсуждались планы участия в союзной интервенции в РСФСР, поэтому дипломатический корпус был необходим как для координации антибольшевистских операций, так и для достижения договоренностей и заключения соглашений с руководством всех противоборствовавших лагерей. К тому же, по словам Э. Сиссона, А. У. Клифот был не только «единственным государственным служащим, который в начале 1917 г. знал, что такое ленинизм», но и едва ли не единственным, кто «демонстрировал навыки прогнозирования» того, как это учение способно влиять на дезинтеграцию страны¹⁴.

В результате А. У. Клифот принял участие в «северной экспедиции» Антанты в составе американской Военной миссии, сотрудники которой исполняли широкий спектр задач в области обеспечения безопасности. Сначала в качестве представителя от США он был назначен членом Межсоюзной канцелярии, занимавшейся налаживанием взаимодействия между иностранным военным командованием и местной антибольшевистской администрацией¹⁵. А в апреле 1919 г. консул Ф. К. Пуль, приняв в расчет его образование и навыки, сделал Клифота ответственным за противодействие социалистической агитации в регионе. Согласно отчету лейтенанта от 24 мая 1919 г., в качестве меры контрпропаганды Военной миссией были опубликованы 10 тыс. экземпляров брошюры о «германо-большевистском заговоре», а также переведены на русский язык и размещены в шести местных газетах около 200 телеграмм и 30 статей, поступивших из Нью-Йорка и Парижа от Комитета общественной информации. Результаты своей работы лейтенант характеризовал как «несомненно хорошие» — в доказательство он указывал, что у местных властей возник большой интерес к американскому опыту организации школьного обучения и бюджетного планирования¹⁶.

Осенью 1919 г., по окончании американского военного присутствия в регионе, А. У. Клифот вместе с сослуживцами покинул Русский Север, и, по всей видимости, события 1917–1919 гг. отчасти оказали на него психотравмирующее воздействие, а именно — произошла фиксация на данном опыте, характеризующаяся регулярным возвратом к прошлым переживаниям. Об этом свидетельствуют, как минимум, два эпизода его биографии.

Во-первых, в 1919 г. в одном из интервью журналистам газеты «Нью-Йорк Таймс» лейтенант выразил сожаление, что не смог предотвратить возвращение

В. И. Ленина в Россию, поскольку глава большевиков следовал именно через Торнио. Так, А. У. Клифот упоминал, что его коллега отправил министру юстиции Временного правительства телеграмму с просьбой уточнить, «не была ли допущена ошибка» в выдаче разрешения на пересечение границы, на что А. Ф. Керенский «ответил, что новое российское правительство строится на демократических началах, и просил нас разрешить Ленину въехать. Мы не могли поступить иначе»¹⁷. Данное свидетельство указывает не столько на попытку преувеличить масштаб собственной личности, сколько на наличие чувства личной ответственности за последовавшие в России события.

Во-вторых, уже в 1929 г., будучи консулом в Риге, А. У. Клифот направил в Госдепартамент официальный запрос на возмещение убытков на сумму \$9325, понесенных его семьей в связи с российской революцией и последовавшим за ней советско-американским противостоянием. Позиция дипломата состояла в том, что он вынужденно покинул Петроград в феврале 1918 г. по приказу вышестоящего начальства, оставив в городе предметы собственности, в дальнейшем конфискованные советскими органами власти. По его утверждению, значительная часть утраченного имущества «состояла из большой коллекции редкой и антикварной мебели, ковров, картин и предметов искусства, которые могли бы стоить, по меньшей мере, в десять раз больше указанной стоимости», так как «наша оценка основана на довоенных ценах»¹⁸. Хотя помощник госсекретаря У. Карр назвал такие заявления «противоречащими финансовой политике президента», в 1931 г. запрос все же был частично удовлетворен Конгрессом — было принято решение произвести выплату по нему в размере \$7460 из фондов Казначейства¹⁹.

Данный сюжет интересен в двух отношениях. Во-первых, он показывает, что для А. У. Клифота даже спустя десятилетие революционные события в России являлись рецидивирующими воспоминаниями, связанными не только с утратой ценного имущества, но, возможно, и необходимостью принципиально изменить привычные паттерны поведения. Причем тот факт, что запрос на возмещение финансовых потерь был направлен лишь в конце 1920-х гг., можно трактовать как неформальное признание несостоятельности популярной в эмигрантской среде идеи о возможном крахе большевизма из-за неэффективной экономической политики или в результате внешних конфликтов. Во-вторых, при изложении аргументов в пользу положительного решения вопроса о компенсации дипломат апеллировал к последовательной — начиная с ноября 1919 г. — поддержке курса Госдепартамента на «непризнание» Советской России со своей стороны.

Действительно, после участия в Гражданской войне на Русском Севере позиция дипломата приобрела откровенно антибольшевистский характер. Скажем, известно о полемике в Военном институте Вирджинии в конце 1919 г. между А. У. Клифотом и полковником Р. Робинсом, который, будучи членом миссии Красного Креста, в 1918 г. вел переговоры с большевиками и выступал за прекращение военной конфронтации с РСФСР. По данным студенческой газеты «Дельта», после выступлений А. У. Клифота перед кадетами точка

зрения его оппонента была «полностью дискредитирована», а влияние среди учащих — «серьезно подорвано»²⁰. Помимо этого, лейтенант в прессе призывал к депортации из США не только советского представителя Л. К. Мартенса, но и всех сторонников большевистской идеологии, которую называл угрозой для Соединенных Штатов. По его словам, советская власть являлась «не новым экспериментом в области демократии», а представляла собой лишь «однопартийное правительство, сохраняющее свою власть с помощью военной силы, террора, контроля над продовольствием и тиранического подавления любой формы оппозиции». Ставя своими целями «мировую социальную революцию, уничтожение национальностей, религиозных границ и всех капиталистических институтов», лидеры РКП(б), по мнению А. У. Клифота, планировали достигать их любыми методами и идти на любые жертвы. Отсюда предложение о заключении мира со странами Антанты было лишь тактическим ходом, благодаря которому В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий получили бы возможность упрочить собственную власть и активизировать международную пропаганду²¹.

Свои соображения на эту тему А. У. Клифот систематизировал и в конце 1919 г. изложил в лекции, адресованной представителям политической и интеллектуальной элиты Милуоки на специальной встрече, организованной Русско-Американской торговой палатой — текст этого выступления был опубликован Конституционной лигой Висконсина²². Хотя его критика большевистской теории и практики носила многосторонний характер, некоторые тезисы все же отличались от аналогичных памфлетов, подготовленных экспертами, аффилированными с Госдепартаментом. Так, в отличие от других противников советских социальных экспериментов, он не акцентировал внимания ни на «красном терроре», ни на проблеме так называемой «национализации женщин» (лишь упомянув об издании ряда подобных декретов региональными властями) и не изображал соратников В. И. Ленина агентами немецкого Генштаба. Напротив, лейтенант довольно точно передал сущность и недостатки политики «военного коммунизма» в сельском хозяйстве, механизм осуществления всеобщей трудовой повинности и рабочего контроля, а также изменение отношения властей к институту семьи. Однако наибольшее неприятие с его стороны вызвали образовательные реформы Совнаркома, которым он уделил значительную часть своей речи. В частности, А. У. Клифот выступил принципиальным противником идеологизации преподавания естественно-научных университетских курсов, ограничения школьного обучения приобретением практически полезных трудовых навыков, замены традиционных уроков экскурсиями на предприятия, а также использования школ для антирелигиозной пропаганды²³.

Помимо этого, в тексте выступления обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Во-первых, по мнению лектора, большинство проблем социального характера в Советской России 1917–1919 гг. возникло не из-за управленческого непрофессионализма большевистских лидеров, а вследствие противоречий между «советизмом» и классической марксистской теорией. Фактически уже на начальном

этапе социалистического строительства в РСФСР американский эксперт говорил о бесперспективности реализации идеи бесклассового общества на фундаменте дореволюционной модели российского экономического устройства. Во-вторых, центральной идеей коммунистического движения А. У. Клифот называл стремление инспирировать мировую революцию, а основным средством достижения этой цели — агитационную деятельность. По его словам, «большевистское правительство располагает одной из самых обширных и мощных систем пропаганды, которые когда-либо знал мир», «в каждом советском городе и деревне есть штабы и бюро пропаганды», причем листовки печатались ими «на всех языках и диалектах»²⁴. В-третьих, лейтенант полагал «диктатуру пролетариата» антидемократической по своей сути, поэтому для В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого именно США с их системой «демократических институтов» являлись наиболее опасным оппонентом²⁵. Отсюда главным средством защиты от распространения коммунистической идеологии в Соединенных Штатах было соблюдение основных положений конституции.

Хотя А. У. Клифот прямо не указывал ни на существование конкуренции между американской и советской системами за доминирование на международной арене, ни на лидирующую роль США в распространении и защите демократии и капитализма в мире, его выступление вполне укладывалось в логику «вильсонизма». К примеру, реформы Временного правительства лейтенант считал экспериментом по трансплантации элементов именно американского общественно-политического устройства в Россию. По его воспоминаниям, в течение 1917 г. посольство регулярно посещали российские чиновники, чтобы «расспросить нас о различных формах организации правительства и ветвей власти — от Верховного суда Соединенных Штатов до самого маленького муниципалитета»²⁶. Следовательно, свержение Временного правительства большевиками выглядело для него не только антикапиталистическим, но и антиамериканским переворотом.

После этой серии выступлений и публикаций А. У. Клифот в июне 1920 г. был принят на службу в Государственный департамент и сначала получил назначение в аппарат Консультанта по внешней торговле У. Фроста, но уже в следующем году был переведен в Отдел по делам России, возглавляемый знакомым ему Ф. К. Пулем. В данном статусе он проявил себя как последовательный противник международного признания Советского Союза, сыграл немаловажную роль в отклонении такого рода инициатив. Вероятно, пережитый в период российской революции и Гражданской войны стресс отразился на изменении его отношения к идее социальных преобразований и роли государственных служб в обеспечении национальной безопасности. Такая эволюция взглядов серьезно ограничила осознание целей и сущности советских реформ, заставляя видеть в СССР лишь угрозу традиционному для США социальному строю. Вместе с тем, в отличие от многих коллег, А. У. Клифот избегал безосновательной критики большевизма, стараясь оперировать фактами и достоверными источниками, что в дальнейшем способствовало интеграции научных принципов в американскую «советологию».

- ¹ Noskov V. V. David R. Francis, Ambassador to Four Russian Governments // *Journal of Russian American Studies*. 2018. Vol. 2, no. 1. P. 57–58.
- ² Interview with Earl Packer. October 27, 1988 // Association for Diplomatic Studies and Training. Oral History Collection. Earl Packer papers. Box 1. Series 1. P. 2.
- ³ *MacQueen P.* In *Wildest Africa*. London, 1910.
- ⁴ Field Department Notes // *The Advocate of Peace*. 1915. Vol. 77, no. 5. P. 114.
- ⁵ *Kraft B. S.* *The Peace Ship: Henry Ford's Pacifist Adventure in the First World War*. New York, 1978. P. 114.
- ⁶ *Frothingham A. L.* *Handbook of War Facts and Peace Problems*. New York, 1919.
- ⁷ *Fox M. H.* *Peter E. Dietz, Labor Priest*. Notre Dame, 1953. P. 128.
- ⁸ *Kliefoth A. W.* A Meeting of the Security League // *The Public*. 1915. October 29. P. 1050.
- ⁹ Register of the Department of State. January 1, 1931. Washington, 1931. P. 180.
- ¹⁰ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia. Vol. 2 / Ed. by J. V. Fuller. Washington, 1932. P. 737–738.
- ¹¹ Perilous Journey to Keep Big Engagement // *The High Point Enterprise*. 1918. June 22. P. 7.
- ¹² Russian-American Relations. March, 1917 – March, 1920: Documents and Papers / Ed. by C. K. Cumming, W. P. Pettit. New York, 1920. P. 146.
- ¹³ Russia in War and Revolution: General William V. Judson's Accounts from Petrograd, 1917–1918 / Ed. by N. V. Salzman. Kent, 1998. P. 233.
- ¹⁴ *Sisson E.* *One Hundred Red Days*. New Haven, 1931. P. 20.
- ¹⁵ *Strakhovskiy L. I.* *Intervention at Archangel: The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia 1918–1920*. Princeton, 1944. P. 49.
- ¹⁶ Memorandum to Colonel J. A. Ruggles, May 24, 1919 // National Archive of the United States. RG120. File 27. A. P. 3.
- ¹⁷ Calls Soviet Foes of Trade Unionism // *The New York Times*. 1919. December 4. P. 7.
- ¹⁸ House Reports. 71st Congress. 3rd Session. December 1, 1930 – March 4, 1931. Vol. B. Washington, 1931. P. 215.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 213, 216.
- ²⁰ Editorials // *The Tomahawk*. 1919. Vol. 17, no. 1. P. 42–43.
- ²¹ Shows Lenin Plots Revolution Here // *The New York Times*. 1919. November 27. P. 17.
- ²² *Kliefoth A. W.* *Bolshevism: By an Eye-Witness from Wisconsin*. Milwaukee, 1920.
- ²³ *Ibid.* P. 15–16, 20.
- ²⁴ *Ibid.* P. 25.
- ²⁵ *Ibid.* P. 31.
- ²⁶ *Ibid.* P. 10.

References

- Fox, M. H. *Peter E. Dietz, Labor Priest*. Notre Dame, University of Notre Dame Press, 1953. 285 p.
- Kraft, B. S. *The Peace Ship: Henry Ford's Pacifist Adventure in the First World War*. New York, Macmillan, 1978. 367 p.
- Noskov, V. V. David R. Francis, Ambassador to Four Russian Governments. In *Journal of Russian American Studies*. 2018. Vol. 2, no. 1, pp. 44–62.
- Salzman, N. V. (ed.) *Russia in War and Revolution: General William V. Judson's Accounts from Petrograd, 1917–1918*. Kent, Kent University Press, 1998. 334 p.
- Strakhovskiy, L. I. *Intervention at Archangel: The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia 1918–1920*. Princeton, Princeton University Press, 1944. 336 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. А. Иванов. Случайный дипломат: Альфред Уилл Клифот и российская революция 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2026. № 1. С. 160–170. DOI: 10.51255/2311-603X_2026_1_160

Аннотация: Революционные события 1917 г. оказали воздействие не только на отечественные политические, экономические, социально-культурные институты и международные процессы, но и существенно повлияли на мировоззрение непосредственных участников. Для некоторых из них приход к власти большевиков и последовавшая за ним продолжительная Гражданская война приобрели характер травматического опыта, повлекшего за собой заметную корректировку системы ценностей. В то же время интернационализация военно-политического противостояния в России для зарубежных военнослужащих, разведчиков и дипломатов позволила на практике ознакомиться с методами работы социалистических партий и развить навыки противодействия им, став фактором карьерного роста. Именно эксперты, совместно проходившие службу в американском посольстве в России в период революции и в Военной миссии США в годы интервенции, впоследствии составили кадровую основу подразделений Государственного департамента Соединенных Штатов, ответственных за анализ отношений с СССР. Одним из этих специалистов был Альфред Уилл Клифот, чей карьерный путь позволяет понять многие неявные аспекты советско-американского противостояния в первые годы Советской власти. Настоящая статья посвящена реконструкции процесса эволюции убеждений А. У. Клифота на начальном этапе его дипломатической работы — от пацифизма к антибольшевизму. При проведении исследования использовались документы американских правительственных учреждений, произведения и интервью А. У. Клифота, а также труды российских и зарубежных историков.

Ключевые слова: революция, США, интервенция, дипломатия, пропаганда, посольство, Военная миссия.

FOR CITATION

A. A. Ivanov. An Accidental Diplomat: Alfred Will Kliefoth and the Russian Revolution of 1917 // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2026, pp. 160–170. DOI: 10.51255/2311-603X_2026_1_160

Abstract: The revolutionary events of 1917 had an impact not only on domestic political, economic, socio-cultural institutions and international processes, but also significantly influenced the worldview of the participants. For some of them, the rise of the Bolsheviks and the subsequent civil war became a traumatic experience that led to a significant shift in their system of values. At the same time, the internationalization of the military-political confrontation in Russia allowed foreign military personnel, intelligence officers, and diplomats to gain practical experience in dealing with socialist parties and develop their skills in countering them, which became a factor in their career advancement. It was the experts who served together in the American Embassy in Russia during the Revolution and in the American Military Mission during the intervention who later formed the core of the divisions responsible for analyzing relations with USSR in the U. S. Department of State. One of these specialists was Alfred Will Kliefoth, whose career allows us to understand many of the implicit aspects of the Soviet-American confrontation in the early years of Soviet rule. This article explores the evolution of the beliefs of A. W. Kliefoth during the early stages of his diplomatic career — from pacifism to anti-Bolshevism. The research is based on the documents of American government agencies, writings and interviews by A. W. Kliefoth, as well as the works of Russian and foreign historians.

Key words: revolution, USA, intervention, diplomacy, propaganda, embassy, Military Mission.

Автор: **Иванов, Андрей Александрович** — д. и. н., доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия).

Author: **Ivanov, Andrey Alexandrovich** — Dr. of Sci. in History, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: ivanovaa85@list.ru

ORCID: 0000-0003-4097-9447